

В детстве я много и часто болел: то ангина, то скарлатина, то простуда какая. Болезнь наступала с высокой температурой, с недомоганием, слабостью во всём теле, возникали откуда-то мысли о смерти, и всё сжималось у меня внутри, хотелось плакать — и плакал, до рыдания подчас...

Первый раз я задумался о смерти лет в шесть, когда хоронили одного дяденьку, он погиб в шахте от взрыва, не успел отойти на безопасное расстояние. Мои родители, как и другие жители посёлка, провожали его в последний путь. Все вокруг говорили: «Какой молодой — и такая нелепая смерть...» Я спросил державшего меня за руку отца:

— Пап, а что такое это... ну, смерть?

— Как тебе объяснить, сынок? Каждый вечер, когда засыпаем, мы как будто умираем... ну, ничего не чувствуем. А утром, просыпаясь, как бы оживаем. А если человек умер,

то он уже никогда не проснётся, будет спать вечно...

— И дядя Слава тоже не проснётся? Пап, а зачем людей тогда хоронят? Пусть спали бы дома, зачем в землю закапывать?

— Так положено, Сашок. Понимаешь, мёртвый человек растворится в земле, как... как кусок сахара в чае. А дома зачем ему... — отец явно стал раздражаться, замолчал ненадолго, сказал: — Надо было тебя к бабушке на работу отвести на пару часиков, рано тебе ещё на похороны ходить...

— Пап, а когда умрём, ничего от нас не останется? Мы, это... растворимся, да? — не унимался я.

— Ничего! — резко, но как-то тихо и чуть дрогнувшим голосом ответил отец.

С тех пор бывало иногда, когда я засыпал, то чувствовал, что будто проваливаюсь в какую-то чёрную бездну, где всё исчезает, растворяется, гложет...

— Мама... мамочка!.. — кричал я тогда.

— Сыночек, миленький, что с тобой? — встревоженно спрашивала мама, присев на край кровати, брала меня за руки и целовала в ладошки.

— Я умираю... — шептал я ей.

— Дурачок! Да с чего бы это?! — И родной ласковый голос успокаивал меня, страх отступал, на душе становилось легче. — Ты не умрёшь, не бойся... Надо сначала вырасти

большим, потом состариться. И даже когда состаришься, ты можешь жить долго-долго, как вот папин друг дед Лосев. Ему вон уже восемьдесят, а он какой ещё молодец-удалец! Ничего не бойся, спи спокойно. Впереди у тебя целая жизнь, а я посижу возле тебя, пока не заснёшь...

У моего отца друзей много, но друг один — дед Лосев. Лишь с ним он откровенно делится своими мыслями, переживаниями, спрашивает совета. Они подружились, когда отец работал товароведом на поселковой торговой базе, а дед — начальником её охраны: мышка не проскочит мимо него незамеченной, ведь когда-то раньше, задолго до пенсии, он служил в милиции. Каких только преступников не ловил, и не случись какой-то неприятной истории, о которой разное болтали в посёлке, майор Лосев мог бы стать генералом или уж, самое малое, полковником. Поговаривали даже, что он убил обвиняемого во время допроса... Я не верил этому — врут! Мой отец никогда не стал бы дружить с убийцей. Это поклёп на деда, кому угодно он может сказать правду в глаза, вот и не любят его за это, сплетни распускают... И в любой ситуации он не теряет достоинства, всяким обидчикам людей спуску не даёт, а если те ответить захотят, то тут уж извиняйте, граждане: и сам он, и его телохранитель, постоянный

спутник бурятский волкодав Туман такой отпор дадут — мало не покажется!

Лет пять назад, ранним морозным утром в конце ноября стоял густой туман, дальше вытянутой руки ничего не видно было. Дед Лосев, не торопясь, шёл с дежурства домой и, проходя невысокий мостик над наполовину замёрзшим горным ручьём, услышал откуда-то снизу жалобный писк. Спустившись едва ль не на ощупь к ручью, пригляделся в тумане и увидел такое, что сердце защемило. С полдюжины крошечных щенков лежали, сбившись в кучку, на льду заберега, почти у самой воды... Дед наклонился, стал было ощупывать их, но все они уже замёрзли. Опять послышался писк — и лежащий в середине щенок вдруг стал поднимать голову... Бывший милиционер, волею судьбы оказавшись на месте чьей-то гнусности, поднял единственного полуживого свидетеля и жертву одновременно, сунул щенка в свою большую теплую рукавицу и понёс находку домой, иногда останавливаясь, проверяя, жив ли спасённый.

Туман — так назвал щенка дед — рос быстро, и через пару месяцев в нём уже угадывался бурятский волкодав: массивная голова с большими висячими ушами, мощный торс на широких мускулистых лапах и характерный окрас для этой породы собак — большей частью

чёрный с перламутровым отливом. Лишь морда, грудь и лапы рыжие, как будто пёс, сунув нос в банку с охрой, поднял её и опрокинул на себя, но две рыжие капли как-то вот попали на брови, на вид сделав собаку как бы четырёхглазой. Дед Лосев, полжизни проработав следователем, без особого труда вычислил «доброе» человека, выкинувшего щенков на мороз; к тому же негодяй этот постоянно пьянствовал, нещадно бил жену и собаку, мать Тумана, которые, несмотря на все унижения и рукоприкладство, выли по нему, когда он погиб в прошлом году: ехал пьяный на мотоцикле, сбил ограждение моста и упал в ручей именно в том месте, где выбросил щенков... Узнав об этом, я вспомнил, как в один из выходных дней, за полгода до этого случая, мы с дедом Лосевым стояли в очереди за молоком. Сверля взглядом пытавшегося пролезть без очереди мужика по кличке Блоха, дед сказал мне шёпотом: «Вот энтот сволочуга таких прекрасных щенков погубил, братьев да сестёр Тумана...» И тот почуял его взгляд, оглянулся:

— Дед, ты чо вылупляешься на меня, я тебе девка, што ль?

— Энто ты залупляешься, а я вот приглядаю за тобой, больно ты, Гришаня, пакостный стал. Укорот тебе пора дать, ежели не возьмёшься за ум... накажет тебя Бог — ох, накажет!

— Видал я твоего Бога!..

Он хотел ещё что-то сказать, но духу не хватило, поспешил выскочить из магазина, увидев, с какой решимостью дед, одетый по форме — в хромовых сапогах, в офицерских тёмно-синих галифе с красным кантом, в кителе и фуражке с треснутым козырьком, — направился к нему.

— Смотри у меня! — дед помахал ему вслед бидончиком для молока и вернулся в очередь...

— Почему так долго, сынок? Мать уже давно картошку пожарила, а тебя всё нет и нет... очередь большая была? — поинтересовался отец, нарезая широкими кружочками солёные бочковые огурцы.

— Да, большая, да ещё некоторые без очереди лезли, дед Лосев чуть не подрался с дядь Гришой Блохиным из-за этого! — сказал я, протягивая матери бидончик молока.

— Так кто же победил? — заулыбался отец и уточнил: — Туману вмешиваться не пришлось?

— Дед, конечно! Он тебе привет передавал, говорил, что завтра вы пиво пьёте, и он за тобой зайдёт, — доложил я, при этом мать пристально посмотрела на отца и с известным чувством сказала:

— Коля, у меня завтра стирка, поэтому деда домой не таскай: выпили в пивбаре и культурно и вовремя разошлись по домам — хорошо?..

— Пап, а почему все «дед Лосев» говорят, у него что, имени нет?

— Есть у него и имя, и отчество, но такие мудрёные, язык сломаешь, пока выговоришь. Иннокентий Вячеславович его зовут; так разве можно, глядя на его офицерский наряд, какой он постоянно носит, говорить о нём «дед Кеша»?..

...Не умолкая звонил дверной колокольчик, мать выглянула в окно и раздражённо сказала:

— Коля, гости к тебе пришли, собутыльники твои... на троих, видно, сообразить хотят!

— Оль, да кто там? — отец накинул пиджак.

— Дед со своим Туманом... Колюша, только не как в прошлый раз, не сидите вы до закрытия... Это у деда никого нет, а у тебя семья! — с неудовольствием напутствовала мать.

Туман зашёлся радостным лаем, когда увидел идущего к калитке отца, вскоре поздоровавшегося за руку с дедом Кешей и ласково потрепавшего за уши собаку; а ещё через минуту троица быстрым шагом направилась в пивнушку. Мы с мамой, стоя у окна, смотрели им вслед, пока они не скрылись за поворотом, потом пошли заниматься своими делами — мама стиркой, а я уроками.

Солнце склонилось к закату, начинало смеркаться, и я включил свет, покончив с уроками, сложил тетради и учебники в портфель. Мать, готовившая ужин на кухне, позвала меня:

— Саша, сыночек, идём-ка ко мне!

— Мам, да я погулять хотел, все уроки сделал.

— Ну и молодец! Сашенька, только сбегай за отцом, а то он застрял там в пивной со своим «милиционером». Придётся — поужинаем, а потом пойдёшь гулять. — Она замолчала, зачерпнув ложкой бульон из кастрюли, подула на него, попробовала на вкус. — Да сам смотри не потеряйся, сказки дедовы не переслушаешь...

— Хорошо, мам, я быстро.

Я легко взбежал на высокое, метра на полтора, и длинное, во весь фасад, крыльцо пивбара. Даже сегодня, много лет уже работая архитектором, я не понимаю, зачем его нужно было делать таким огромным... Представляю, сколько местных пьянчуг покалечилось на нём: на чудо-крыльцо это они ещё худо-бедно всходили-вползали, а вот обратно, хорошо выпив... На крыльце я приостановился и, набрав в лёгкие воздух и затаив дыхание, чтобы не наглотаться табачного дыма, вошёл. Через пивной зал, уставленный высокими круглыми столиками и окутанный плотным никотиновым туманом (поскольку многие мужики после каждого глотка пива предпочитали делать пару затяжек), не дыша пробежал к тому, что сейчас бы назвали «вип-зоной». Там, в углу, возле бара, за прозрачной шторкой обосновалась за столиком наша

троица: дед с отцом сидели на стульях с металлическими искусно изогнутыми спинками, а Туман, разумеется, на полу, у них в ногах. Вы спросите меня, откуда им такие привилегии? Сейчас расскажу.

Дед Лосев известный любитель пива — и, может, не столько пива, сколько самой пивбаровской атмосферы. Все его там уважают, многие за советом обращаются, несмотря на возраст; по его словам, он «не растерял, а подсобрал умишко-то к старости, как некоторые деньгу»... Но с появлением у него щенка, который так горько «плакал», подывая, когда дома один оставался, возникли проблемы с соседями, и дед вынужден был брать его с собой. Через полгода появилась новая проблема: Туман вырос больше немецкой овчарки, и заведующей пивбаром Клавке стал мерещиться запах псины в её заведении. Как она могла унюхать его в смешанном запахе табачного дыма с перегаром — загадка, но якобы у неё оттого сильно уменьшились выручка и число посетителей... Хозяин волкодава спорить не стал, переселил пса на крыльцо к входной двери. Запаха псины в пивнухе вроде как не стало, но и выручки не прибавилось, а скорее уж наоборот, так как этот дедов здоровенный «ребёнок», крутившийся у входа, совался к посетителям, даже заигрывал с ними... ведь он же дитя! Клавка написала заявление в милицию: мол, уберите

четвероногого «швейцара» и накажите его хозяина Лосева Иннокентия Вячеславовича, иначе выполнить план нет никакой возможности!..

Клавдия Степановна, женщина весьма тучная, тяжело вставая из-за стола навстречу вошедшему в её кабинетик участковому Георгию Ивановичу, наверное, подумала: «Говорят, что ворон ворону глаз не выклюет, а тут милиция вон как быстро сработала... Небось, не успели чернила на заявлении высохнуть, как Жорка нарисовался в своих чапаевских усах...»

— Рад вас приветствовать, Клав-Спанна! Сигнальчик ваш не мог оставить без внимания, как-никак майора милиции в отставке Лосева, ветерана МВД, обвиняете. Читал и восхищался вашим писательским талантом!.. — Участковый говорил это несколько пафосно, временами по привычке подкручивая пальцами усы, и заведующая пивбаром не могла понять, куда он клонит, а капитан меж тем продолжал: — Недолго восхищался, правда, если уж прямо сказать, потому как нашлись писателя посурьёзней...

— А я вам про чо? Дед совсем распоясался! Если он завтра с бычком в пивбар ходить начнёт, чо делать тада? Спасибо за быструю реакцию!

И круглое лицо Клавки так расплылось в предупредительной улыбке, что щёки, казалось, совсем закрыли глаза.

— Да нет, Клавочка Спанна, это на вас они пишут, на вас... — Участковый достал из папки стопку бумаг, пролистнул. — Пишут, что обижают их в вашем заведении: обсчитывают, не доливают пивка, да и рыбку частую втридорога подсовывают. А некоторых и водочкой спаивают, ну и другое в таком же духе... И как мне прикажете поступить? — внимательно посмотрел милиционер на Клавдюшу.

— Поняла! Очень даже вас поняла, Георгий Иваныч! А мы для вашего протеза Лосева местечко можем организовать рядом с баром... ну, столик поставим, стульчики, занавесочкой от зала прикроем. — И она заботливо сняла длинный волос с кителя участкового, а другой рукой подхватила бумаги, которые тот, не дай Бог, выронит на пол. И предложила, всё умильнее улыбаясь: — Товарищ капитан, а может, мы эти бумаги поганые ... тово?..

— Приятно иметь дело с умной женщиной! — Капитан отпустил в её руки бумаги, с улыбкой ответной подчеркнул: — Я рад, что в вас не ошибся, Клавочка. Надо, знаете, заботиться о стариках... Писульки эти можете порвать и выбросить, но с безобразиями в вашем заведении разберитесь, ограничусь пока устным замечанием! Честь имею!

И с этими словами, козырнув, он вышел из кабинета.

После ухода участкового Клавдия Степановна с волнением хотела изучить оставленные им «писульки», в надежде узнать фамилии «стукачей». Но, к её негодованию, под своим поданным заявлением в милицию лежали несколько листов чистой бумаги... «Вот сволочь усатая, обманул!» — ругнулась она про себя и, несмотря на такой досадный и обидный осадок в душе, подумала: «Раз пообещала, деда всё равно пристраивать придётся, а то ведь не отвяжется, чёртов клещ!...»

Дед был очень удивлён предложению Клавды «переехать» поближе к бару, за занавеску, да ещё с собакой. На такую заботу он ответил согласием, но потребовал поменять плотную портьеру на прозрачный тюль, а лампу освещения в этом отгороженном углу убрать, чтобы из зала не бросалось в глаза, что происходит за шторкой. Как только бывший майор милиции устроился на новом месте, его жизнь заиграла другими красками. Неизвестно, увеличилось ли число посетителей пивной и была ли всем этим довольна Клавка, но к старику Лосеву (кто из любопытства, а кто с желанием получить дельный совет) стали часто заглядывать за шторку местные люди, угощали пивом, а собачку его вяленой рыбой или даже специально принесённой с собой сахарной косточкой, от которой Туман не оставлял даже крошки, такие у волкодава были сильные челюсти и крепкие зубы.

Когда я прошёл к ним в угол, пёс первым заметил меня, встал навстречу и завилял своим пушистым хвостом, потом ко мне повернулись отец и дед. Румянец на их щеках говорил, что до моего появления они о чём-то эмоционально, должно быть, беседовали.

— Сынок, что-то случилось? — спросил отец и сделал несколько глотков янтарного пива, холодного, судя по запотевшей большой стеклянной кружке, по которой маленькие капельки воды, стекая по стенкам со всех сторон, проделывали прозрачные дорожки; придвинул ближе третий стул, сказал: — Нет? Тогда садись, мой родной, сейчас маленькую кружку пива для тебя принесу, посидишь с нами за компанию!

— Мама на ужин зовёт, за тобой послала.

— Ты сядь, отдышись, успеем ещё на ужин, подожди минутку. — Отец встал из-за стола, сходил к бару и вернулся с маленькой кружкой пива. — Держи! — и поставил её передо мной. — На край, с которого пить будешь, мокрую соль налепи, вон как дед сделал, очень вкусно! Посидим, разговор закончим и домой.

— Коля, а не рано ль мальцу пиво с нами пить? — выразил сомнение дед.

— Ничего не рано, в самый раз, ему недавно десять лет уже исполнилось!

— Пап, да это же лимонад, зачем соль? — возмутился было я.

— Сашуля, не обижайся, папка пошутил! — и отец, и дед дружно посмеялись и вернулись к прерванному, должно быть, моим приходом разговору.

— ... а что ты говоришь, Коля, что живёшь по совести, вроде без греха и каяться тебе особо не в чем, то могу твёрдо сказать, что это заблуждение. Када я был малой, как вот твой Сашка, родители решили грамоте меня обучить, отвели в церковно-приходскую школу. Так вот, перед началом занятий батюшка с каждым учеником проводил беседу, как бы на тему «один день моей жизни», и записывал эти рассказы, а на занятии нам, детишкам малым, сказывал, кто сколько грехов за этот прожитый день с утра до вечера свершил. Доложу тебе, друг мой, с десятков грехов за день у каждого набралось, а уж у взрослого мужика, наверняка, поболее будет... вот те и без греха! Всего-то один день! — дед, хитро прищурившись, посмотрел на отца и пригубил пива. Говорил он всегда на своём несколько странном, вперемешку с милицейским, деревенском наречии.

— А что же тогда «совесть», по-твоему? Ты вот всю жизнь преступников ловил, среди них немало, думаю, людей без совести было — убийц всяких, например, поставивших своё «я» выше общего блага, страшный вред людям принося... что скажешь?

— Скажу! Совесть — это глас Божий, сила, стоящая

выше человека, с оной совладать невозможно. Присуща она почти всем людям, даже и преступникам в том числе, не знающим, на какие душевные страдания и муки себя обрекают из-за сиюминутной слабости своей и жажды наживы. Ты прав, много законченных негодяев повидать пришлось, и вот что я тебе скажу, Колюня: природный дефект в этих людях имеется. Понимаешь, рождаются люди слепые, глухие, немые, а бывает, хоть и редко, конечно, и с недоразвитой совестью или уж совсем без оной... Из-за одного такого бессовестного сволочуги я и ушёл из милиции, не смог больше там работать... понимаешь, в каждом преступнике его, тварь, видеть стал! — Дед нахмурился, взгляд его стал отсутствующим, жадно, большими глотками он почти осушил кружку, мотнул головой: — А так нельзя работать, не по-людски это...

— Ладно, товарищ майор, не рви сердце из-за всякой мрази! — приобнял отец за плечо деда, прижал по-дружески к себе. — Пойду-ка свеженького пивка возьму...

— Послушай, а не тот ли это негодяй, которого у вас там убили на допросе? Извини, если что не так, но тут люди разное болтают... — спросил вернувшийся отец, в руках он держал четыре кружки пива.

— Да, он самый и есть... Боле двадцати лет минуло, а языки до сих пор чешут, — подтвердил

угрюмо дед, и от этого его признания мне стало не по себе, холодок пробежал по спине. — Было дело... Только я его не убивал, не тронул даже. Энтэ начальник мой майор Худько забил его насмерть, нервы его не вынесли гонора, бравыды поганой скотиняки энтова, ухмылок всяких... У

Худько психика совсем прохудилась после вертанья жены и дочки из фашистского концлагеря, где ихние профессора их как лягух кромсали, вдоль и поперёк, опыты над ими выделявали всякие... Чудом они живы остались, истинно чудом, ведь большую-то часть «биологического материала», так немцы подопытных называли, посничтожили, а их вот не успели. Таки вот дела...

— А всё равно трудно оправданье ему отыскать... Мыслимое ли дело — подневольного, пусть и преступника, убить?! Огромное же горе для близких его, родных... — сокрушённо качал головой, не соглашался отец. — А куда ж вы-то смотрели, почему позволили такое?!

— «Куда, куда»... — передразнил его дед, как-то обречённо махнул рукой. — Туда!.. Вбежали, сразу бросились Худько за башку тащить, за плечи от мерзавца энтого — а майор напослед всё пинал его сапогами... да и нам сопротивлялся, здоровенный был. Вот и не успели мы.

— И какая вина на преступнике том была? — отец нервно разминал вяленую рыбу. — Бандит? Убийца?

— Хуже. Душу детскую невинную испоганил... Извиняй, Колюня, при мальце не могу сказывать, совсем гадостная история, — брезгливо поморщившись, отставной майор Лосев залпом допил остатки пива в кружке.

— А ты иносказательно, этим... эзоповым языком, я пойму.

— Дюже, гляжу, любопытство в тебе разыгралось... Ну ладно, вот така история. Шёл сорок девятый год, несколько лет как война закончилась, вдов бери-необери, острая нехватка мужиков, сам понимаешь... Но вот Марии — была така — свезло, несмотря на то, что молодых да незамужних баб пруд пруди. А она вдовая, и у ей дочка восьми лет — в общем, свезло, стал к ней похаживать электрик местного домоуправления, ЖЭКа по-нынешнему, да так и прижился у ей. И всё было у них вроде в лад-склад, пока дочка эта не рассказала своей лучшей подружке, какие «процедуры» с ей отчим проделывает... «процедуры», хоть болезные и неприятные, зато сильно полезные. Так убеждал он падчерицу: дескать, витаминны для детского организма, в рост идёшь быстро, лучше учишься — на ум они шибко хорошо действуют, а когда вырастешь, будешь самой красивой девкой на свете... Нет, Коля, ты понял, что энто гад похотливый сотворил? — дед пытливо смотрел на отца, а у того на скулах

задвигались желваки, я увидел, и лицо стянулось и побледнело от злости.

— Понял я, трудно не понять... Больше скажу, даже понимаю теперь твоего того начальника... Нет, хорошо, что я не в милиции работаю — такие твари у меня до суда тоже вряд ли бы доживали. Не-ет, лучше в шахте, чем у вас... Дальше-то что было?

— А подружка Лены, так звали дочу у Марии, пришла домой и втолковала родителям, почему это она плохо учится, часто болеет и некрасивая к тому ж... что во всём папа виноват, не делает с ей «процедуров» как Ленкин отчим... Утром те вместо школы повели дочуру в милицию. Жаль, что тварюга энтот копыта откинул раньше времени. Мог бы весь рецепт свой на себе испытать — от каждодневного приёма в тюрьме зековских «витминов» поумнел бы, глядишь, поборовел... но покрасивше вряд ли бы стал. Така, Коля, история.

— Что и говорить, невесёлая. А ты всё твердишь: в Бога верить надо... Как тут поверишь, когда такие бесчинства происходят и всякая несправедливость кругом? Если Бог существовал бы, вряд ли допустил бы все эти надругательства над человеком!

— Сурьёзный вопрос, брат, поднимаешь, и обсказать его сегодня не поспеет: чутьё есть, что Ольга твоя сейчас сюда заявится за мужем и сынком... Но скажу — без веры в Бога один туман в

голове у нас, потому как соблазнам греховным человек сильно подвержен. — Услышав кличку, Туман подошёл к хозяину, положил свою большую голову ему на колени, и дед усмехнулся на это, погладил собаку: — Да не про тебя я, Туманчик, а про наше человеческое... Без веры оно может и хорошо для кого-то, да вот одна грусть-печаль на сердце не даёт покоя, душу отравляет, жизнь безбожную: умирать ведь так и так придётся... умрёшь-то, по безверию, ведь навсегда, исчезнешь без всякого следа. А вот вера в Бога жизнь большим смыслом наполняет, и если правильно ею распорядился, жил по-человечески, по Божьим то исть заветам, то смерть как бы не страшна вовсе... энтот как этап в существовании человека: тело погибает, а душа бессмертна, в царствие небесное переселяется, в рай для праведников или там в ад для грешников... да там решат! Природа нам даже под-сказки даёт для наглядю, да хоть в пример приведу: живёт себе гусеница как молодой, скажем, человек, ест-пьёт, развлекается как может. А затем стареет, превращается в куколку, как вот я, и уже мало чем таким интересуется, в своём коконе сидит и умирает, считай, потихоньку... уже как в гробу. А потом вдруг — р-раз! — и из этого сухого и никчёмного гроба вылетает красивая бабочка, душа то исть! И насколько праведную жизнь

прожил человек, такая бабочка из его мёртвого тела и вылетит: белая, цветная какая или вовсе уж чёрная!..

— Дед, да ты прямо поэт!.. Или батюшка, из той твоей школы. Много чем у меня есть возразить, но ты прав, домой нам пора, поэтому в другой раз договорим...

— Сынок, да тебя только за смертью посылать! Хотела было уже вас идти искать... Ужинать садитесь, простыло всё, а там уже и спать пора.

— Мам, если бы ты меня за смертью послала, я бы вообще, может, не вернулся! Потому что, дед Лосев говорит, смерти вовсе нет, тело только умирает. А из тела бабочка-душа на небо улетает, потому что она, это... бессмертна, да. И бывает белая, чёрная и самая разная... кто как грешен.

— А то, что сказками сыт не будешь, дед вам не рассказывал? Мой ты хороший! — мама

попыталась обнять меня, но я увернулся.

Дед Лосев дожил до глубокой старости, он умер в девяносто два года, пережив лишь на несколько дней своего верного пса Тумана. Издревле у монголов и бурят есть поверье, что собака-волкодав помогает умершему хозяину найти дорогу к последнему божественному пристанищу, по пути охраняя его от коварства злых сил. Видимо, Туман заранее ушёл прокладывать хозяину безопасный путь к Богу. Почти до последнего дня Иннокентий Вячеславович принимал людей в своём пивбаровском кабинете и многих, надо надеяться, вывел из тумана безверия и разочарования жизнью. Из него, наверное, мог бы получиться прекрасный священник; да и почему — мог? Он и был таковым, пусть и не в сане. Думаю, его белая «бабочка» живёт где-то рядом с Богом, а может, даже и сидит на плече Божьем и пребывает в радости.